Королева проклятого леса

Reven B.

18+

Reven Black
Королева проклятого леса

https://litres.ru/74760037
SelfPub; 2026

Аннотация

Травница Мирабель пошла в лес за цветком, а вернулась с короной, магической меткой и тремя принцами — холодным Эйриком, вспыльчивым Игнисом и надёжным Браном. Древний Лес связал их невидимыми нитями: теперь они чувствуют друг друга, а разорвать связь нельзя, не погубив всех. Бывший жених Мирабель, кузнец Горан, собирается сжечь Лес вместе с новой Королевой. Пока принцы учатся не замораживать дом и не поджигать поленницу, Мирабель устанавливает правила: никакой иерархии, никаких тайн, всё — только с согласия. Лёгкое юмористическое фэнтези об обратном гареме, ревности и любви, которая не вписывается в схемы.

Содержание

Глава 1. Коронация по ошибке 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Reven Black
Королева проклятого леса

Глава 1. Коронация по ошибке

«Ты пахнешь полынью и упрямством. Мне нравится упрямство. Оно пригодится, когда всё пойдёт не по плану».

— Лес, в момент знакомства

Если бы Мирабель знала, что этот день закончится короной, она бы надела хотя бы чистые штаны. Или, наоборот, самые рваные — чтобы соответствовать моменту. Но она шла за серебрянником, а не за титулом. Так что на ней были обычные рабочие штаны, видавшие болото, костёр и одного особенно наглого козла, который любил жевать верёвки.

Серебрянник рос в чаще. Тот самый — с пятью лепестками, что светятся в темноте, как глаза влюблённого кота. Мирабель знала: сорвёшь его до полудня, пока роса не сошла, — настойка выйдет такой, что даже старая Мара перестанет ворчать. А Мара ворчала бесконечно. Цель оправдывала средства.

Лес встретил её привычно: шёпотом листвы, запахом мокрой коры и ощущением, что за тобой наблюдают. Обычно Мирабель не обращала на это внимания. Шумит, скрипит,

тропа петляет, будто передумала вести туда, куда ты шла. Она привыкла. Сколько себя помню, всегда ходила этими тропами — за травами, за грибами, за тишиной, когда деревня доставала особенно сильно.

Но сегодня что-то было не так.

Лес не просто шумел. Он ждал.

Мирабель остановилась у замшелого пня, перевела дыхание и прислушалась. Ветер стих. Птицы молчали. Даже комары, вечные спутники травницы, исчезли. Тишина стояла такая плотная, что хоть ножом режь.

— Ладно, — сказала она. Тишина её нервировала. — Я знаю, что ты тут. Можем разойтись по-хорошему? Мне нужен цветок. Тебе — чтобы я ушла. Все довольны.

Лес ответил не словами — образами. Сначала перед глазами поплыло: зелёное, тёплое, тянущееся к ней, как росток к солнцу. Потом — ощущение ладони на затылке, тяжёлой и осторожной одновременно. И запах: полынь, дым, что-то древнее, чему она не знала названия.

А потом серебрянник — тот самый, за которым она шла через пол-леса, — вспыхнул у её ног. Пять лепестков засветились так ярко, что глазам стало больно.

— Ой, — сказала Мирабель.

Дурой она не была. Дурой была соседка Грета: однажды попыталась продать лесному духу пирог с капустой в обмен на вечную молодость и получила бородавку на носу. Мирабель знала: Лес что-то показывает — не трогай. Что-то даёт

— не бери. Зовёт — беги.

Но серебрянник сам прыгнул ей в руку. Ну, почти. Она наклонилась — а он уже был там: тёплый, живой, пульсирующий, как маленькое сердце.

И когда её пальцы сомкнулись на стебле, Лес вдохнул.

По-другому это не назовёшь. Всё вздрогнуло. Листья зашептали громче. Воздух стал густым, как сироп. А на запястье левой руки — там, где обычно болтался браслет из конского волоса, — вспыхнуло клеймо. Светящийся узор: три переплетённые нити, уходящие в кожу, как корни.

Мирабель уставилась на руку. Потом на цветок. Потом снова на руку.

— Это что, татуировка? — спросила она. — Я не соглашалась на татуировку. Я боюсь игл.

Лес ответил. На этот раз — голосом. Не человеческим. Но и не шёпотом листвы. Что-то среднее: глубокое, вибрирующее, идущее из-под земли и одновременно из её грудной клетки.

«Ты сорвала мой цветок. Ты приняла мою метку. Теперь ты — моя Королева».

Мирабель моргнула. Ещё раз. Потом села на ближайший пень — не потому, что хотела, а потому, что ноги подкосились.

— Так, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Договоримся сразу. Я не королева. Я травница. Лечу людей от бородавок и похмелья. Править не умею. Я даже кур

не могу заставить нестись там, где надо.

«Королева не обязана править курами. Королева обязана быть. Ты уже есть. Сопротивление бессмысленно».

— Это я уже слышала от Горана, — огрызнулась Мирабель. — Не впечатлило.

При упоминании бывшего жениха Лес дёрнулся. Ветви заскрипели. Земля под ногами едва заметно вздрогнула.

«Горан — угроза. Он придёт. Он уже собирает людей. Он хочет сжечь меня и забрать тебя. Ты нужна мне. Ты нужна моим защитникам».

— Каким ещё защитникам?

Лес не ответил. Клеймо на запястье вспыхнуло ярче, и Мирабель почувствовала натяжение: будто от неё протянулись невидимые струны вглубь леса. Три струны. Три направления. По каждой текло чужое: нетерпение, страх, любопытство.

— Эй! — крикнула она, вскакивая. — Я не соглашалась на защитников! Ни на что не соглашалась! Верни всё как было!

«Слишком поздно. Они уже идут. Твои защитники. Мои принцы».

— Принцы? — фыркнула Мирабель. — В нашем лесу? Какие принцы? У нас из аристократов только староста, и тот два года не может решить, где ставить туалет.

Лес издал звук, отдалённо похожий на смех. Если бы смех мог состоять из коры и мха.

«Не наши. Чужие. Из-за границы. Они нарушили мои пределы, и я их связал. С тобой. Теперь вы — одно».

Мирабель посмотрела на запястье. Три нити. Три принца. И Горан, который вот-вот придёт с факелом и топором.

— Отлично, — сказала она, поднимая серебрянник. — Просто отлично. Хотела настойку от кашля, а получила гарем и войну. Мама всегда говорила: «Не ходи в лес одна». Ну, мама, как всегда, была права.

Она сунула цветок за пазуху — раз уж сорвала, не пропадать же добру — и зашагала к деревне. Лес провожал её шёпотом, в котором слышалось что-то подозрительно похожее на «удачи, Ваше Величество».

У опушки Мирабель обернулась.

— Я вернусь, — пообещала она. — Но не потому, что ты меня позвал. А потому, что ты задолжал мне объяснения. И новую руку. Эта светится, как фонарь. Как мне людям в глаза смотреть?

Лес не ответил. Листья зашелестели — тихо, довольно, будто он уже знал: она вернётся. И не одна.

Дома её ждали трое.

Мирабель поняла это до того, как открыла дверь: клеймо на запястье дёрнулось, и по нитям пришли разом три импульса. Раздражение — холодное, острое. Голод — жаркий, нетерпеливый. И что-то мягкое, тёплое, похожее на любопытство ребёнка, впервые увидевшего кошку.

Она толкнула дверь.

За столом — тем самым, где она чистила травы и пила чай с Марой, — сидели трое. Первый — светловолосый, с ледяными глазами и поджатыми губами, в одежде, которая стоила больше, чем вся деревня за год. Он смотрел на неё, как на ошибку в расчётах. Второй — рыжий, веснушчатый. Руки не знали, куда себя деть: он то сжимал кулаки, то разжимал. От него шло тепло, как от печки. Третий — широкоплечий, темноволосый, с глазами старого пса, который ждёт, когда его погладят. Он единственный не выглядел так, будто хотел её убить.

— Вы кто? — спросила Мирабель, ставя корзину на пол. — И почему сидите за моим столом, как будто вас сюда звали?

Ледяной открыл рот. Рыжий его опередил.

— Ты — Королева, — сказал он, тыча в неё пальцем. — Лес нас связал. Мы чувствуем, что ты чувствуешь. И это, скажу я тебе, отвратительно. Я не подписывался чувствовать чужое раздражение. Особенно такое... интенсивное.

— Это моё раздражение, — отрезала Мирабель. — И оно оправданно. Вы вломились в мой дом.

— Дверь была открыта, — сказал ледяной. Голос у него был как замёрзшее озеро: ровный, холодный, с трещинками сарказма. — Ваше Величество.

— Дверь открыта, потому что я живу в деревне, где все друг друга знают. У нас не принято запираться. Но, видимо, придётся начать.

Третий — с глазами старого пса — поднялся. Он был выше остальных на полголовы. От него пахло землёй и чем-то уютным, вроде хлеба из печи.

— Бран, — представился он. — Я не хотел врываться. Мы шли за тобой от самой границы, но не решались подойти. А потом нити натянулись, и...

Он замолчал. Посмотрел на её запястье. Потом на своё — там тоже светилось клеймо, только рисунок другой: одна нить, толстая и тёплая.

— И что? — поторопила Мирабель.

— И мы поняли, что не можем не прийти.

Ледяной фыркнул.

— Мы не «не могли», — сказал он. — Мы обязаны. Лес наложил связь. Пока мы все добровольно не примем её — или пока кто-то не умрёт — нити не разорвутся. Я проверял.

— Ты проверял? — уставился на него Игнис. — Ты пробовал разорвать связь? Серьёзно? Эйрик, ты идиот. Она не согласна. Мы все не согласны. Но если ты рвёшь — Лес умирает. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, Игнис. Лучше, чем ты.

Мирабель села на лавку. Тяжело. Дерево скрипнуло.

— Так, — сказала она. — По порядку. Вы — принцы. Откуда?

— С севера, — ответил Эйрик.

— С востока, — одновременно сказал Игнис.

— С юга, — вздохнул Бран.

Мирабель закрыла глаза. Открыла. Посмотрела на трёх мужчин. Каждый был красив так, что хоть на ярмарку выставляй. И каждый смотрел на неё с отчаянием разной степени.

— Значит, три принца. Из трёх королевств. Связаны со мной. Через Лес. Который умирает. И у которого, судя по всему, есть план.

— План есть, — подтвердил Эйрик. — Лес связал нас, чтобы защитить себя. И тебя. Горан идёт. С факелами. С людьми. Хочет сжечь Лес, а тебя забрать.

— Горан — мой бывший жених, — сказала Мирабель. Все трое смотрели на неё так, будто ждали объяснений. — Я ему отказала. Он не смирился. Это не моя проблема.

— Теперь наша, — сказал Игнис. — Мы связаны. И если он сожжёт Лес, мы все умрём. Я, например, не хочу умирать из-за какого-то кузнеца с манией величия.

Бран подошёл к ней. Близко. Она почувствовала запах — не парфюма, а чего-то настоящего: травы, дыма, кожи. Он не коснулся её. Просто встал рядом.

— Можно? — спросил он тихо.

— Что «можно»?

— Сесть. Рядом. Ты выглядишь так, будто тебе нужно, чтобы кто-то был рядом. Я могу быть этим кем-то. Если ты не против.

Мирабель посмотрела на него. На двух других: Эйрика, который сверлил её взглядом, и Игниса, который уже прики-

дывал, что бы такого поджечь, чтобы стало легче.

И она сделала то, что делала всегда, когда мир сходил с ума: взяла себя в руки.

— Так, — сказала она. — Слушайте сюда, Ваши Высочества. Не знаю, какие у вас планы, но у меня свои. И в моих планах нет места трём мужчинам, которые не умеют даже дров наколоть. Можете остаться. На одну ночь. В сарае. Завтра поговорим. А сейчас я хочу есть, мыться и не думать о том, что моя жизнь превратилась в балаган.

Игнис открыл рот. Эйрик сузил глаза. Бран улыбнулся — тихо, тепло, будто она сказала что-то очень правильное.

— Сарай так сарай, — сказал он. — Мы не привыкли, но... я не против.

— Я против, — отрезал Эйрик.

— Я тоже, — поддержал Игнис. — В сарае холодно.

— Тогда можете спать на улице, — сладко улыбнулась Мирабель. — Там ещё холоднее.

И вышла из дома, оставив трёх принцев смотреть ей вслед.

За спиной Лес шептал что-то одобрительное. Клеймо на запястье светилось ровно и тепло — как будто говорило: «Вот. Теперь всё будет интересно».

Мирабель остановилась на крыльце, посмотрела на звёзды и вздохнула.

— Ну и дурдом, — сказала она себе. — Но, кажется, это теперь мой дурдом.

Где-то в глубине леса, очень далеко, но всё ближе, чем

хотелось бы, Горан точил топор. И улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.